

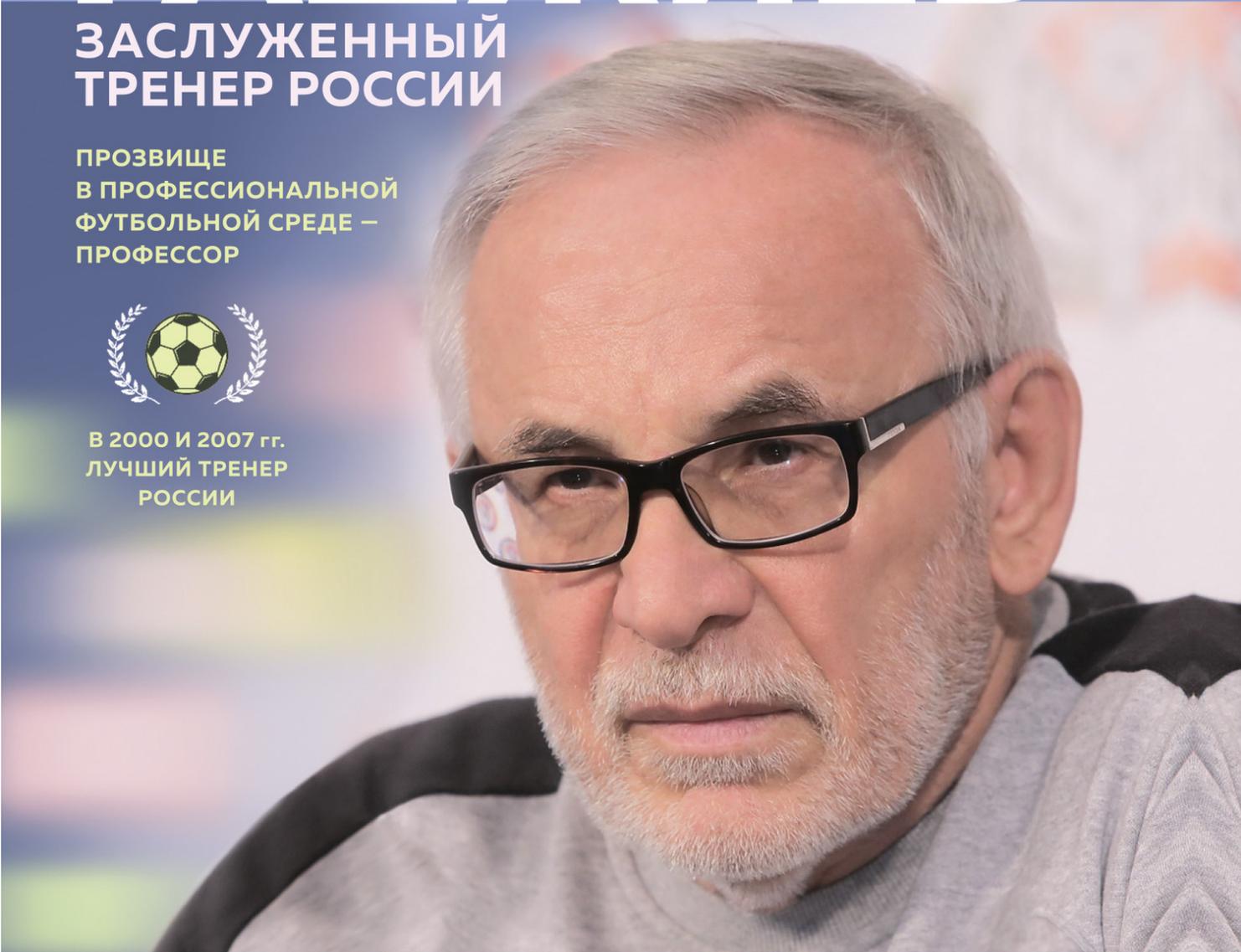
ГАДЖИ ГАДЖИЕВ

ЗАСЛУЖЕННЫЙ
ТРЕНЕР РОССИИ

ПРОЗВИЩЕ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ФУТБОЛЬНОЙ СРЕДЕ –
ПРОФЕССОР

В 2000 И 2007 гг.
ЛУЧШИЙ ТРЕНЕР
РОССИИ

ПРОСТАЯ СЛОЖНАЯ ИГРА

ГЛАЗАМИ
ПРОФЕССИОНАЛА

Гаджи Гаджиев

**Простая сложная игра
глазами профессионала**

«ЭКСМО»

2020

УДК 796.332(470)

ББК 75.578

Гаджиев Г. М.

Простая сложная игра глазами профессионала / Г. М. Гаджиев —
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-105950-7

Эта книга уникальна в своем жанре, как и ее автор в своей профессии. Заслуженный тренер России Гаджи Гаджиев, дважды признававшийся лучшим тренером сезонов в стране, пришел на первые роли в ведущих отечественных клубах из научной спортивной среды и строит свою работу на базе передовых научных достижений в области спорта, футбола. В книге – впервые в нашей футбольной литературе – на редкость обстоятельно, детально показаны многие тонкости тренерской профессии на фоне судеб популярных игроков, тренеров, команд, вскрыты причины, мешающие российским клубам развиваться, проведен подробный анализ провала грандиозного проекта «Анжи» Сулеймана Керимова.

УДК 796.332(470)

ББК 75.578

ISBN 978-5-04-105950-7

© Гаджиев Г. М., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

«Проигрывать „Тереку“ было нельзя»	6
Профессия или ремесло?	9
Выбор, которого не было	11
Мой «Спартак»	14
Малолетний диктатор	16
...Футбол – спорт или шоу?	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гаджи Гаджиев

Простая сложная игра глазами профессионала

© Гаджиев Г., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Время создано для того, чтобы всё не происходило сразу.
Восточная мудрость*

Эта книга – не жизнеописание тренера Гаджиева. Все было бы куда проще, задайся автор целью издать автобиографию: родился, учился, трудился, забивал и пропускал, падал и вставал, выигрывал и проигрывал – год за годом, команда за командой...

Но нет, не в этом задача, совсем не в этом.

Жизнь футбольного тренера – совершенно особое измерение, особый мир, до краев наполненный самыми разными событиями и смыслами. И это, поверьте, непростая жизнь. Далеким от ее истинного содержания людям доступно лишь самое поверхностное понимание, выраженное чаще всего в голах, очках, турнирных строчках, чуть реже – в эмоциях, словах и жестах.

А это полпроцента от 100, если не меньше.

Жизнь футбольного тренера – вечный поиск, вечный стресс. Каждодневный и нередко круглосуточный труд без выходных и отпусков, непрекращающаяся учеба на своих и чужих ошибках и достижениях, бездонная копилка информации, сумма самых разных опытов.

При этом профессия тренера прямо соотносится со всеми без исключения футбольными проблемами и вопросами, к какой бы области игры они ни примыкали. Это правильная сила с ярко выраженной миссией. В России наша миссия пока востребована очень слабо.

И если получится хотя бы немного подсветить эту сторону нашей работы, затененную, – могу считать свою задачу в целом выполненной.

Перечитывая написанное, ловлю себя на мысли, что многое, о многом и многих не сказано. Что буквально каждый абзац следует, конечно же, дополнить. Всякую мысль – развить, человека – охарактеризовать поточнее, событие – дать более глубокую трактовку. Да и как иначе? Каждый футбольный год, день и нередко даже час – уже отдельная глава, а память все-таки избирательна.

С другой стороны, нельзя ведь объять необъятное. Жизнь футбольного тренера, как ни старайся, не уместится в книжный формат, а хронологией в таких случаях можно иногда и пренебречь. Так что выбираю другой формат – достаточно вольного хода мыслей.

Искренне ваш, Гаджи Гаджиев

«Проигрывать „Тереку“ было нельзя»

Конец сентября 2011-го. Зрелая футбольная осень.

В Махачкалу приехал «Терек», и это кавказское дерби, в котором всегда совершенно особый подтекст, особый нерв и особая, булатной заточки страсть. Такой страсти нет названия, она родом из глубины веков, из прошлой реальности, когда мужчина не имел права ходить без оружия, но всегда уступал узкую горную тропинку встречному путнику.

У моей команды просматриваются проблемы чисто игрового характера, но она полна энергии, неплохо организована, хорошо бежит и достаточно уверенно набирает очки, несмотря на то, что в составе осталась большая группа игроков с прошлого сезона. В ней немало дагестанцев, а пара наших центральных защитников – Тагирбеков и Гаджибеков – получила приглашение во вторую сборную России.

Место под солнцем «Анжи» держит по праву: чуть впереди, буквально в двух шагах, маячат «Спартак» и «Локомотив», а тройка лидеров уйти в отрыв еще не успела. «Зенит» – первый, 49 очков. Дальше «Динамо» и ЦСКА, у них по 47. Ниже «Спартак» с «Локомотивом» (по 42), «Кубань» с «Анжи» (по 40) и «Рубин» (38). «Краснодар» идет по отношению к Казани «минус шесть» и числится уже девятым лишним, «Волга» к «Краснодару» – еще минус девять.

Стало быть, восьмерка, которой по весне предстоит рубиться за медали, к 25-му туру фактически сформирована. С определенными допущениями, разумеется, потому что порой футбол предлагает к постановке такие сценарии, что никакому писателю-фантасту с его безбрежным сознанием не привидятся...

* * *

Матч против «Терека» – третий по счету, который я вынужден смотреть со стороны, не имея возможности контролировать ход игры со скамейки. Третий из четырех, назначенных решением КДК после инцидента, получившего в народе название «дверной скандал».

«...Все, что было в этой жизни, все не зря», – слова Александра Розенбаума ложатся в аккурат под мое понимание ситуации сегодня. Тем более что в конечном итоге второй тайм остался за нами, и матч мы выиграли. А эмоции есть неизбежный спутник нашей профессии, и бутса, брошенная Алексом Фергюсоном в Бекхэма, из этого же ряда.

Столько лет минуло, но все чувствую как сейчас. И сейчас бы требовал, чтобы судья зашел в раздевалку для установления факта нанесения травмы. Почему нет? Ведь в прошлом это было нормой для судей, когда игра становилась чрезмерно жесткой и нервной.

Наблюдаю игру с трибуны. Точнее не с трибуны, а из VIP-ложи. В обществе президента Республики Дагестан и других уважаемых людей, чей интерес к футболу не ограничивается лишь посещением домашних матчей. Все они – настоящие болельщики «Анжи», его поклонники и помощники. Их судьбы тесно переплетены с судьбой клуба, а сердца бьются в унисон с сердцами трибун.

Но здесь, в ложе, можно обнаружить только лишь физическую сущность главного тренера «Анжи». На самом деле я, конечно, на скамейке, у бровки, в технической зоне. В сфере прямого действия того самого электрического стула, пожизненным клиентом которого является любой тренер любой команды мира, на каком бы уровне он ни работал.

Матч очень тяжелый. Особый нерв кавказского дерби обнажается в самом дебюте. Уже на 8-й минуте Саша Павленко, поддержав фланговую атаку своей команды, врывается с мячом в штрафную «Анжи», качает на замахе вратаря Нукри Ревিশвили и бьет точно в нижний угол пустых ворот.

Но мы отыгрываемся быстро, уже через шесть минут – свой третий российский гол исполняет Самюэль Это'О. Крепкий, классный, очень качественный гол, идеальное завершение позиционной атаки, апофеозом которой становится мягкий наброс на линию штрафной в исполнении Буссуфы и три компактных движения Самюэля: прием мяча, финт в свойственной Это'О кошачьей манере, удар.

Быстрый обмен голами часто приводит к понижению градуса игры, но тут особый случай. О закрытом футболе нет и речи. «Анжи» владеет инициативой и наращивает давление. Гости, упустив преимущество в счете, группируют основные силы на своей половине поля и при любой возможности жалят контратаками.

Три десятка ударов по воротам, почти половина из которых в створ, и целая серия реальных голевых моментов – объективные показатели того, что ничья неинтересна ни «Анжи», ни «Тереку». Очка им мало, нужно три. Но при этом очевидно, что хозяева свое теряют, а гости находят. С точки зрения турнирной стратегии выездная ничья – почти всегда позитивный результат.

Трибуны стадиона «Динамо» забиты под завязку. Они, конечно, в напряжении, но в целом реагируют по ситуации. Реакция же «фанатки» на происходящее выражена скандированием двух лозунгов: «Позор!» и «Уходи!».

Это – мне.

Находишься я ближе к фанатскому сектору, на скамейке, а не в ложе, конечно, сразу пошел бы на прямой контакт. Я очень зол на болельщиков и не хочу делать вид, будто «Позор!» и «Уходи!» проходят мимо сердца. Это действительно больно – понимать, что дома к тебе относятся как к врагу. За что?

Тренер должен всегда работать на пределе и добавлять в профессиональной подготовке – это один из самых простых и важных законов жизни. А как иначе? Не было в моей практике ситуаций, когда бы не отдавал любимому делу все силы, и не только физические. «Анжи», еще в прошлом году стоявший на вылет в 17 турах из 25, теперь шел в четверке лучших. Но этого мало, потому что в команду влился Это'О. Кроме него, за «Анжи» играет сам Роберто Карлос. Как не выигрывать дома? Болельщик всегда прав, он потребитель, ему дела нет до реальных игровых и прочих проблем. И даже не проблем – ему нет дела до спортивных законов или закономерностей, до традиций, которые к тому времени измерялись 4-м местом 10-летней давности и четырьмя годами пребывания в РФПЛ.

Тем более нет дела до разного рода случайностей, которыми так изобилуют игры любого уровня, нет желания понять, что на той стороне тоже профессиональные футболисты и, как в данном случае, сильный, амбициозный тренер Станислав Черчесов. Он, болельщик, всегда жаждет выигрыша.

Победа была крайне нужна и мне. Но я прекрасно понимал, что аудиторией правят интриги, в результате которых, собственно, и добавилось две игры к моей дисквалификации.

* * *

Время идет, а на табло по-прежнему две единицы. Исполняющий обязанности главного тренера «Анжи» Андрей Гордеев планомерно освежает группу атаки, выпуская на поле сначала Сашу Прудникова, а в середине второго тайма Шамиля Лахиялова. «Терек» отвечает адекватно, все три замены гостей приходится на заключительную 15-минутку.

На 88-й подаем очередной угловой, который оборачивается ошибкой, подпадающей сразу под две характеристики: с точки зрения развития игры она трагична, с точки зрения ее организации – типична. Она, эта ошибка, случалась, случается и будет случаться сотни раз. Розыгрыш неудачный, «Терек» перехватывает мяч и от линии собственной штрафной улетает в контр-

атаку. «Анжи» к ней оказывается не готов, ибо структура группы обороны нарушена, а функции замененных Одила Ахмедова и Камиля Агаларова никем не продублированы.

Чисто позиционная недоработка. Глупая, обидная, детская. Избежать ее можно было за счет простой команды со скамейки (это в пожарном варианте), а лучше, правильнее расписав новый функционал вместе с заменами.

В итоге Гаджибеков теряет позицию, свежий Власов в сопровождении Лахиялова тащит мяч через все поле, справа наперерез ему несется Роберто Карлос, но явно опаздывает. Не успевает накрыть соперника и Юра Жирков. Перед самой штрафной Шамиль сдает борьбу, опасаясь оторвать Власову «ахиллы» и заработать красную, а то и пенальти. И тут же следует мощный удар точно под перекладину. Ревишвили остается только проводить мяч взглядом.

Но не проходит и трех минут, как Жоао Карлос сравнивает счет ударом головой. Та еще концовочка, конечно...

В итоге 2:2. С моей точки зрения, позитив совершенно точно превалирует над негативом. Как минимум потому, что команда дважды уступала в счете и дважды отыгралась, причем второй раз – в экстремальной ситуации. А это значит, что она крепка духом, она растет. Никаких сомнений!

Но уже через два дня, 28 сентября, владелец «Анжи» Сулейман Керимов объявит мне об отставке, несколько раз повторив в разговоре фразу «Проигрывать «Тереку» было нельзя».

Объявил-то не он, а Герман Ткаченко, подъехавший к ресторану рядом с домом, в котором я жил, слегка подшофе. Разговор был эмоциональным и недолгим. Попытка давления со ссылкой на авторитеты людей, его приславших, не прошла, зато быстро испарился хмель. Писать заявление по собственному желанию я не видел оснований, и в качестве доказательства представил через пару недель подробный анализ результатов игр и тестирований игроков со ссылкой на реальные составы и время появления в команде звезд.

Профессия или ремесло?

Что такое работа тренера? Именно работа, подчеркиваю, а не ремесло, как нашу профессию порой именуют. Слово «ремесло» в проекции на футбол мне вообще не очень нравится; оно, скорее, предполагает нечто сделанное руками, а не головой.

В тренерской профессии элементов ремесленничества тоже, конечно, хватает, потому что каждый день приходится заниматься вещами совершенно земными, – корчевать, пахать и сеять, как бы отстраняясь от тонких футбольных материй. Но любое сколько-нибудь функциональное действие тренера, подразумевающее влияние на команду, подлежит предварительной точной оценке. А это процесс бесконечно творческий, ибо раз и навсегда заданные модели, механически выстроенные схемы убивают профессию.

Любое ремесленничество тоже подразумевает импровизацию, но в нем как раз доминируют схемы. Вот где-то тут и скрыто, на мой взгляд, смысловое противоречие.

Не было, нет и никогда не будет шаблона, по которому тренер может выстраивать свою работу. Да, основные ее составляющие хорошо известны – игра, тренировка, контроль состояния футболиста. Существует также масса внутренировочных, внесоревновательных средств (питание, отдых, так называемые неконтролируемые факторы, которые прямо влияют на состояние команды, – погода, настроение, семейные проблемы и так далее), но тренировка, игра и состояние – основа, фундамент процесса.

Зависимость получается строго линейная. Тренер контролирует состояние футболистов с учетом суммарного воздействия на него всех факторов; а в силу того, что состояние это лабильно, неустойчиво, тренер обязан учитывать самые разные его подвижки и творчески видоизменять методы и средства подготовки. Только тогда работа будет эффективной. Исключения не предусмотрены.

Любая команда – живой организм, исключая застывшие формы взаимоотношений. Внутри команды идут непрерывные процессы, все и всегда движется – как в муравейнике, живущем по законам коллективного разума. Меняются настроения и взгляды, условия и обстоятельства, взаимоотношения игроков между собой, между игроками и тренерами, меняется отношение игроков к клубу, к болельщикам, к жизненным ценностям.

Меняются игровые философии и концепции, в конце концов.

При этом любой сложно устроенной структуре свойственно проживать как периоды функциональных и эмоциональных всплесков, так и дискомфортные отрезки. Болеть, проще говоря. Критически важно, чтобы все незаметные постороннему глазу внутрикомандные процессы находились под абсолютным контролем тренерского штаба.

Тем более что болезни бывают разные. Случаются легкие недомогания, то есть естественные конфликты, которые в любом коллективном творчестве неизбежны. Нередки и тяжелые заболевания, требующие хирургического вмешательства.

Кроме того, сама игра находится в непрерывном динамическом развитии, и тренер должен предельно точно оценивать параметры этой динамики, ибо именно структура игры – основа для планирования подготовки.

Тренерская профессия, таким образом, есть симбиоз не только совершенно разных, но порой и разнонаправленных сил, понятий и смыслов. Чтобы научиться их видеть, понимать, систематизировать и, в конечном счете, управлять ими, нужно пройти большой и трудный путь. Нужны обширные, глубокие, системные знания. Нужен крепкий внутренний стержень. В конце концов – стремление жить футболом 24 часа в сутки, семь дней в неделю, 365 дней в году.

А там уж – сколько судьба тебе отмерит.

Не разделяя убеждений, бытовавших прежде и опровергнутых практикой сегодня, будто значительным тренером может стать только тот, кто раньше сам выходил на футбольное поле,

играя на высоком уровне. Практика показывает: прямой зависимости нет. Напротив, звездные футболисты не так часто становятся успешными на тренерском поприще. Иногда славное прошлое только мешает.

Взять, к примеру, Игоря Александровича Нетто, который постоянно сетовал на то, что в его команде собраны люди, совершенно не умеющие играть в футбол. А чего добился как тренер Диего Марадона? И, наоборот, Жозе Моуринью, Рафаэль Бенитес, Леонид Слуцкий и многие другие пришли в профессию не с футбольного поля.

В свое время мы обсуждали эту тему на занятиях по педагогике, психологии и теории спортивной тренировки. Позиция кафедр была общая, в шуточной формулировке такова: чтобы научить медведя ездить на велосипеде, не обязательно быть медведем. Конечно, тот, кто хорошо поиграл, лучше сможет объяснить основу: как открыться, как принять мяч, как пробить и так далее, но личный показ тут точно не самое главное. Умение управлять командой, объединить игроков для достижения цели, поднять их на более высокую степень готовности, вывести команду на нужный уровень специальной готовности – главные составляющие из многих качеств, необходимых для успешной работы. Эти качества все-таки разнятся с теми, которые необходимы на поле. Поэтому далеко не каждому из выдающихся игроков удастся стать тренерами такого же уровня.

Не думаю, что никогда не выступавший на высоком уровне Слуцкий по части теории и практики управления командой в чем-то уступит своим российским коллегам, завоевавшим признание на полях футбольной Европы, – Карпину или Шалимову, хотя в футбол Леонид Викторович играл, ясное дело, много хуже...

Выбор, которого не было

Как стать футбольным тренером?

На этот вопрос нет точного ответа, у каждого случая свои мотивы и резоны. В моем варианте, например, одним из движущих факторов явилось от рождения слабое зрение. Зрение исключало футбольную карьеру, даже если признать, что определенными способностями я все-таки обладал. Ведь тогда, в далеком счастливом детстве, даже линзы нам были недоступны, уж не говоря о чудесных очулярах, которыми, случается, пользуются сегодня футболисты. В них играл, например, знаменитый голландец Эдгар Давидс. В середине прошлого века такие чудеса совершенно невозможно было представить.

Проблемы со зрением обнаружили, когда мне было лет десять. Родители жили мечтой о военной карьере сына. Отношение к армии было тогда совершенно особенное: армию и все, что с ней связано, в обществе глубоко, искренне уважали. О том, чтобы откосить, как сейчас говорят, от воинской службы, не могло быть и речи. Не так давно закончилась Великая Отечественная война, нанесенные ею страшные раны только-только начинали затягиваться. Не отдать Родине долг – даже и в мыслях такие вещи не допускались!

В памяти сохранились воспоминания об импровизированных народных гуляньях. Люди выходят на улицы всего лишь по настроению, по велению сердца, просто потому, что им хочется быть вместе. Делятся горестями и радостями, балагурят, смеются, танцуют и поют. Песни в исполнении Шульженко, Утесова, Бернеса были тогда невероятно популярны.

Трудная, но простая и честная жизнь. И мы все еще слышали страшное эхо войны...

Так вот, отец решил, что будет правильным дать сыну военное образование, и меня собрались отправить в Суворовское училище. Я должен был ехать в Орджоникидзе – в Дагестане своего училища не было. Но комиссию в Махачкале не прошел: зрение – 40 процентов, сильная близорукость. С такими глазами в суворовцы не берут. Раньше, по крайней мере, не брали. К службе не годен.

Очки я, конечно, не носил. Не любил их отчаянно, изо всех сил, потому что они мешали жить. Да и стеснялся, наверное. Так что зрение поправить вовремя не получилось, и с карьерой футболиста, как бы о ней ни мечталось, мне стало все ясно с детских лет. Был у нас тренер, работал и с юношами, и по взрослым, – Забид Салманов. Вот он, помню, все время надо мной подшучивал: «Где мяч, Гаджиев?» – дескать, мяча-то я в принципе не вижу.

Может быть, и получился бы из меня неплохой футболист, может быть, нет. Сколько потом пришлось видеть ребят (и до сих пор приходится), которые рано и очень неплохо начинали, были лидерами и капитанами по детям-юношам, а потом исчезали в никуда. Или в лучшем случае не могли подняться выше среднего уровня.

В общем, трудно сейчас сказать, какие были у меня возможности, если не принимать в расчет зрение. Выдающихся точно не было. Но если уж выбирать характеристику, то выберу такую: нормальные наблюдались у Гаджи Гаджиева футбольные способности. Вполне пригодные для дальнейшего их развития. И было понимание игры. Вот это можно сказать совершенно определенно. Знаменитый динамовец, заслуженный мастер спорта Валерий Маслов, помню, говорил: «Удивляюсь: с такими возможностями, с таким характером – и ты не заиграл?». Наверное, это комплимент, если учесть, кто автор слов.

Днем, при хорошем естественном освещении, а еще лучше – днем и на маленькой площадке, я чувствовал себя вполне уверенно, комфортно. Что нужно, видел, что хотел, умел, что умел, исполнял. Как и все мальчишки моего поколения, гонял мяч сутками напролет, летом и зимой. Стадион-то нам был всегда доступен, а вот спортзал считался как бы режимным объектом, в том смысле, что туда просто так, по первому желанию, не попадешь.

Но мы, конечно, находили лазейки. А куда деваться? Играть-то хочется. Подделывали, помню, ключи. Или втихаря договаривались с вахтером. Тем более что наше право на «кусочек пирога» никто не оспаривал, ведь спортзал мы, дети, сами и строили. Ну как строили? Помогали. Кладка была из самана – это кирпич такой, смесь глины и соломы. Кладку, конечно, нам никто не доверял, но саман делали мы. И делали, и таскали его, не зная усталости, и вообще помогали взрослым всем, на что были способны детские руки, ноги и головы.

* * *

Но в любом случае, что бы я собой ни представлял на поле, никакого второго и третьего выбора не подразумевалось. Только футбол! Лет с 15 я в этом абсолютно твердо определился. Как раз к тому моменту, когда стал немножко подключаться к взрослой команде Хасавюрта, заявленной в чемпионат Дагестана. В 1960 году, точно помню, провел две игры за старших. Может, выглядел на поле действительно неплохо, а может, еще и в силу того, что всегда с большим удовольствием дополнительно «физикой» занимался и был просто крепче сверстников.

Чемпионат Дагестана проводился по трем возрастам – мужики, юноши, дети. Буйнакск, Избербаш, Махачкала (три команды), Каспийск, где всегда был хороший футбол, Огни, Дербент (там тоже сильные юноши были), Кизляр – каждый с каждым в два круга. И были еще отдельные групповые турниры. Так вот, в 1960-м я проходил еще по детям, но меня на какой-то выезд взяли за юношей, причем в тот год хасавюртовские юноши шли в чемпионате первыми.

И вот юноши и взрослые едут играть, я прохожу запасным по юношам. Но что-то там у взрослых случилось, какие-то возникли проблемы с составом, и волею случая я вдруг оказываюсь игроком взрослой команды. Почему из всех юношей выбрали меня, не знаю. Скорее всего, другие футболисты, более сильные и зрелые, были нужны по своему возрасту. Но факт есть факт: провел, совсем пацан, два взрослых матча. В серединке, в полузащите. Тогда схема одна была – 3–2–5. Вот я в эту пару хавбеков и встроился не помню каким образом.

В это время, лет в 15–16, я уже системно читал специальную литературу, хотя выбор тогда, конечно, был совсем невелик.

Что считалось специальной литературой в те годы? Например, «Футбол сегодня и завтра» – сборник статей в издании Управления футбола Спорткомитета СССР. Я выучил эту книжку наизусть. В 1962-м появился другой сборник статей – «Футбол. Учебное пособие для тренеров команд мастеров класса А и Б». Там публиковались работы очень авторитетных авторов – например, Гавриила Дмитриевича Качалина, заслуженного тренера СССР, кандидатов наук Нины Граевской и Рахили Мотылянской, которые занимались биологией игры, то есть контролировали на постоянной основе по биологическим параметрам состояние игроков сборной СССР и команд высшей лиги.

Много было методических рекомендаций, достать которые я просто не мог, даже если знал о них. Они были доступны только тем, кто имел отношение к командам мастеров. Но книжки – да. Я их в книжном магазине покупал, когда везло в результате целенаправленной охоты.

А первое регулярное футбольное чтение – конечно, еженедельник «Футбол». В «Футболе» того времени учебные статьи узкоспециальной направленности – про игру и тренировку – не были редкостью. И там же, кстати, можно было найти объявления о том, какие полезные и важные книги вышли в свет где-то в далекой Москве.

Потом, чуть позже, стал пользоваться каталогами изданий и выписывать нужную мне литературу наложенным платежом. Деньги на книги давали родители. И не только на книги, но и на такие совершенно необходимые футболисту и тренеру атрибуты, как секундомер, мяч, свисток, обувь...

* * *

Можно сказать, что первой моей «командой» стала Зума, младшая сестренка, которой было лет восемь. То, что я считал знаниями, требовало приложения. Вот я и нашел, где их приложить. Гонял сестру на правах старшего нещадно, по утрам заставлял делать во дворе зарядку. Именно заставлял! Измерял скорость, пульс, фиксировал какие-то результаты.

Зумруд потом стала чемпионкой Дагестана по прыжкам в длину, взяла 2-е место в беге на 100 метров. Уж не знаю, насколько велика была в этих успехах заслуга брата, но, думаю, не без этого. Хотя Зума и сама по себе с детских лет была очень предрасположена к спорту. Тогда ведь, несмотря на сложное время, в Хасавюрте проводилось немало самых разных соревнований. Например, гонки на двухколесных или трехколесных велосипедах для 5–7-летних ребятшек. Зума, хорошо помню, когда ей было пять лет, выиграла заезд на трехколесном по своему возрасту.

Позже сестра всерьез увлеклась баскетболом, стала многократной чемпионкой Дагестана. В Хасавюрт приехал тогда Володя Мансуров, который окончил школу тренеров в Малаховке по специальности баскетбол. Он и девочек тренировал, и мальчиков. Девочки у него были очень сильные, все выигрывали по школьникам, а потом и по взрослым. Зума, по мнению Володи, в команде была номер один. Ладная девчонка, быстрая, прыгучая, координированная. Одно удовольствие на нее смотреть!

Футбол в Дагестане находился тогда, можно сказать, в зачаточном состоянии. Кроме борьбы, по сути дела, вообще никакие виды спорта не были развиты. Да и борьба была... как бы правильно сказать? Чувствовался, безусловно, огромный природный потенциал ребят, которые занимались борьбой, но школы как таковой не было. Школа начала зарождаться, когда в Махачкалу приехал заслуженный тренер РСФСР Владимир Крутьковский. Он и стал основоположником дагестанской школы борьбы. Он и Арташес Карапетян, заслуженный тренер СССР. И до них сильные борцы в республике, конечно, были, чемпионы СССР, участники международных турниров, но как бы вне системы, просто за счет генетической предрасположенности нации ко всем видам единоборств.

Потом появился первый настоящий чемпион – Али Алиев, который пять раз выигрывал чемпионаты мира. Загалав Абдулбеков – первый олимпийский чемпион. И вот после этого дело пошло всерьез.

А все остальные виды спорта, включая футбол, стояли гораздо ниже.

Мой «Спартак»

Картинка из детства.

Наш двор. Вот один дом двухэтажный, вот второй, а вот – трехэтажный. Между ними небольшой садик, там мужики играют по вечерам в домино. Про этот их неприменный ритуал я позже написал такие стихи:

... Там на лавке домино гоняли
Старики, ушедшие давно,
Иногда под вечер выпивали
С винзавода красное вино...

У входа в садик я вырыл прыжковую яму. Вернее, яму мы, пацаны, вырыли вместе, а я был инициатором процесса. Отца попросил – нам песок специально завезли, купили рулетку для измерения результатов, и вот вам сектор для прыжков в длину. Сделали стоечки, планку – вышел такой трансформер, пригодный еще и для прыжков в высоту. Тут и беговая дорожка, асфальтированная, ровно 60 метров. Она упиралась прямо в забор, поэтому скорость на финише приходилось гасить, чтобы не расквасить нос. В общем, целый спорткомплекс.

Однажды организовал, помню, две команды и провел настоящие соревнования: прыжки в длину, прыжки в высоту, бег на 60 метров, эстафета 4 по 60. Целая дворовая спартакиада! Очень чистый и честный спортивный праздник, воспоминания о котором несущ через всю жизнь. Сейчас такое представить немислимо, наверное.

Дагестан – благодатный край. Очень теплый, но и что такое зима, мы тоже знали. Рекордно низкая температура была зарегистрирована однажды в Кизляре – минус 37, если правильно помню.

Зимой, по вечерам, когда становилось холодней и таявший снег превращался в лед, мы вставали на коньки и гоняли на них по улице. Высшим шиком считалось подкараулить автобус, уцепиться за него и сделать «цепочку» из пяти-шести мальчишек. Другие машины, кроме рейсового автобуса, по нашей улице редко ходили, поэтому риск попасть в беду был минимальный, но ругали нас за это здорово. Водитель, помню, останавливал автобус, выходил из него, гонял нас и проклинал на чем свет стоит.

И в любую погоду – хоть снег, хоть дождь, хоть дикая жара – мы тренировались и играли в футбол на асфальтированных площадках, а организованные тренировки проводили на единственном в городе поле стадиона «Спартак». Футбол был главным детским развлечением, он наполнял жизнь особым смыслом, придавал ей красок, заставлял мечтать о будущем и верить в себя.

Вот там, на этих площадках, в зиму-1961/62 мне впервые доверили тренировать настоящую футбольную команду, участницу чемпионата Дагестана среди юношей. 1961-й можно, пожалуй, оставить за скобками: поначалу мне не доверяли, видимо, авторитета нужного еще не набрал. А вот 1962-й – это уже был мой реальный тренерский год. Со всеми его проблемами, радостями и разочарованиями.

Команда наша называлась «Спартак». Фактически это была юношеская сборная города. В чемпионате Хасавюрта играли тогда ведомствами – «Пищевик», «Медик», «Урожай», «Буревестник», ну и разные предприятия подключались. Если не ошибаюсь, набиралось восемь участников. «Спартак» считался наиболее престижной маркой, он был самым сильным, самым популярным, под его знамена обычно собирались лучшие футболисты.

Я его очень хорошо помню, этот хасавюртовский «Спартак», в котором играли мои сверстники, пацаны 1944–1946 годов рождения. Сначала по отношению к юному тренеру

Гаджиеву чувствовалось недоверие, и команду большей частью тренировали или председатель горспорткомитета Валентин Баширов, или Забид Салманов. А потом тихо-тихо я убедил старших в том, что в состоянии самостоятельно работать с командой. И весь цикл 1962 года в полном объеме провел со «Спартаком».

Мы выиграли тогда чемпионат Дагестана по юношам и были заметно сильнее всех. Играли хорошо потому, что сутками пропадали на спортивных площадках, были дружны и боевиты. Спуску не давали никому, в том числе и своей взрослой команде, в официальных матчах которой в том же 1962-м играли наши ребята. Причем обижались, когда их выпускали на поле всего на 20–30 минут.

* * *

Иногда вспоминаю свои споры с друзьями юношеской поры. Многие из них говорили: важно, чтобы тебя, тренера, боялись. А я считал иначе: важнее, чтобы понимали и уважали. Это понимание, уж не знаю, то ли врожденное, то ли привитое в семье, сохранилось до сих пор. Для меня принципиально, чтобы футболист выполнял задание умом и сердцем, а не под давлением страха, осознания того, что тренер обладает рычагами воздействия на его, футболиста, судьбу.

Нет, наверное, это все-таки домашняя прививка. Потому что дома, интересная вещь, отец от нас, детей, практически никогда ничего не требовал. С относительно зрелого возраста, с 14–15 лет, не могу вспомнить, чтобы он разговаривал в приказном тоне. Отец как бы просил, но его просьбы были равносильны приказу: сказал – надо сделать. И мама, которая, конечно, больше занималась нашим воспитанием, всегда поддерживала в нас именно такое понимание: отец не должен напрягаться для того, чтобы его просьбы выполнялись.

Наверное, именно в силу этого знания стараюсь строить любые отношения на убеждении, а не на приказах, хотя эта точка зрения сформировалась не сразу: ребята из хасавюртовского «Спартака» образца 1961–1962 годов испытали на себе другую модель.

Вспоминаю, кстати, одну давнюю статью из журнала «Спорт за рубежом», в которой систематизировались результаты работы тренеров, практикующих совершенно разные подходы к проблеме командных взаимоотношений: либералов, демократов и диктаторов. Наивысшие результаты, согласно той статистике, у диктаторов. Но почти не сомневаюсь в том, что данные устарели, поскольку и сам футбол, и социальная роль футбола, и люди, играющие в футбол, достаточно сильно изменились.

Формула «Сказано – делай, а вопросы буду задавать я» поистрепалась и если не пришла в негодность, то применима в крайне редких случаях. Зато никогда не потеряет глубины изречение дагестанского поэта и публициста Эффенди Капиева: «Если время не идет за тобой – ты иди за временем». Его часто повторял отец.

Малолетний диктатор

Сейчас порой думаю: каким я был тренером в свои 17? Как воспринимала меня команда – ровесника, такого же, как и все остальные, пацана? Совершенно точно знаю: я никого ни о чем никогда не просил. Говорил: надо делать так-то и так-то – и команда делала именно так. Возражения не принимались. Такой стиль управления казался единственно верным. Беспрекословное подчинение, никакой слабину, сантименты в аут!

Я был малолетним диктатором, хотя в повседневной жизни мы, повторюсь, тесно дружили. Например, в моем присутствии никто не курил – это показательный момент. Если команда не слышала, что тренер пытается ей втолковать, я мог заставить своих друзей бегать вокруг поля. Легко снимал человека с тренировочного упражнения и отправлял его на пару штрафных кругов, чтобы хорошенько подумал.

Сейчас трудно сказать, так это было на самом деле или нет, но думаю, что в свои 17 я, начитавшись Качалина, Маслова, Басби, Эрреры и поглотив всю доступную аналитику с чемпионата страны и мира 1962 года, уже более или менее ясно представлял, что опираться надо на четкое соблюдение игровых принципов, дисциплину и хорошую физическую готовность, какие преимущества дает та или иная схема и расстановка, тот или иной тактический замысел в целом. Но, конечно, без множества деталей, спрятанных в глубины игровых законов.

Наверное, это был уже некий прообраз тренерского взгляда на суть и смысл игры, как мне сегодня кажется. По крайней мере, попытка его сформировать, основываясь на анализе высказываний корифеев.

Совершенно четко понимаю, что именно эти два года, 1961-й и 1962-й, стали определяющими в понимании, чего именно я хочу от жизни.

* * *

Кстати говоря, если уж прозвучало здесь слово «схема», представляется крайне любопытным поразмышлять и над тем, как изменилась, насколько возросла с той поры интенсивность жизни. На футбольных срезах это ведь тоже очень хорошо видно.

Вот такой пример. В 1961-м мы играли исключительно в расстановке 3–2–5. Можно, казалось бы, сказать, что выпали из тренда, ведь великая бразильская сборная еще в 1958 году потрясла всех на чемпионате мира в Швеции схемой 4–2–4. Причем прогрессивность новой расстановки первой испытала на себе сборная СССР.

Однако нет, 4–2–4 к началу 60-х еще не завоевали планету, и мы в своей далекой провинции играли так, как давно привыкли. А я, разумеется, не был провидцем.

Чемпионат мира 1958 года вообще дошел до меня в достаточно смутных образах, в частности, через журнал «Спортивные игры». Основные новости мы получали тогда через газеты и радио (сейчас этот режим назвали бы офлайном). Знали главное: кто с кем, когда и как. Знали, что сборная СССР проиграла в группе бразильцам со счетом 0:2, а наш защитник Борис Кузнецов горько плакал в раздевалке, потому что человек с загадочным именем Гарринча просто уничтожил его на фланге. Этот факт, помню, меня очень впечатлил.

А вот в 1960 году, когда наши выиграли Кубок Европы, я был уже ближе к первоисточникам: можно было слушать репортажи по радио. Прекрасно помню, например, как Николай Николаевич Озеров расцвел эмоциями победный гол Виктора Понедельника в ворота сборной Югославии в финальном матче. Кстати, сборная СССР тоже ведь играла тогда в расстановке 3–2–5, несмотря на то, что после революционного чемпионата мира прошло целых два

года. Состав команды отпечатался в памяти как фотография: Яшин, Чохели, Масленкин, Крутиков, Войнов, Нетто, Метревели, Иванов, Понедельник, Бубукин, Месхи...

* * *

Взрослых я стал тренировать года с 1967-го или с 1968-го, уже будучи студентом-заочником Ленинградского института физкультуры имени Лесгафта. Решил поступать туда, потому что ленинградская кафедра футбола в то время представлялась самой сильной в Советском Союзе. Там работали такие знаменитости, как Николай Люкшинов и Юрий Морозов. На очное отделение, кстати, не прошел по той же причине, по которой не задалась карьера футболиста, – зрение. Причем тут зрение, не понимаю и по сей день. Физические нагрузки? Но и до, и после, уже в профессиональном футболе, нагрузки были много выше, чем в институте. А что поделывать? Уехал домой и взамен очной учебы приобрел ценный опыт работы с детьми и взрослыми любителями.

Это было в 1965-м, а годом раньше с первой попытки я вообще никуда поступить не смог, потому что документы пропали. Поехал в Ленинград полный энтузиазма и самых радужных надежд, а тут на тебе – все мои бумажки в один прекрасный момент исчезли. Украла их, скорее всего, и это была самая настоящая трагедия. А пока в Дагестане делали дубликаты, время ушло, сроки приема документов истекли.

Возвращаться домой с таким камнем на душе было очень стыдно. Невозможно. Поехал покорять мир, называется, и посеял бумаги, джигит...

Именно чувство стыда заставило остаться в Ленинграде. Целый год проработал на деревообрабатывающем заводе поддонщиком. Ставишь на основу четыре рейки, заполняешь пространство между ними досками, станком скрепляешь – получается поддон под паркетную доску.

Работал, играл за различные любительские команды. Кто приглашал – за того и бегал. Сил было через край, хоть пять игр в неделю – все в радость.

Жил с работягами в общежитии недалеко от Московских ворот. Жизнь у них была простая: получил зарплату – и вперед! Купили картошку, хлеб, на остальное – водку. Потом ходили и занимали у всех, кто не «гудел» или «гудел», но не под завязку, по три рубля. Но что интересно – если ты занял и не отдал, то на тебе клеймо.

Работы и суровой спартанской жизни не боялся. Колотил эти самые поддоны без проблем. План был – 250 штук за смену. Какие вопросы, если ты в форме? Через некоторое время был готов делать и 400, но бригадир тормознул: «Тише, тише! Расценки понизят, и придется за те же 120–140 рублей делать 400 вместо 250».

А после смены начинался футбол – в чемпионате города, между собой, да как угодно. Из матчей особо запомнился один, когда все поле – сплошная лужа, играть, казалось бы, невозможно. Но та игра лучше всего и получилась. А всех стадионов и не вспомню. Их было много, как и команд.

Как работяги «гудели», тоже не забыть. Зато были это нормальные ребята, отвечавшие за свои слова, не то, что сейчас. Не секрет, что с началом перестройки у части людей стали пробуждаться крысиные свойства, проявление которых при социализме было, скажем так, ограничено. Хорошая для меня школа вышла, она в чем-то помогла сформировать характер. Тренер не может быть без характера, равно как и игрок или команда. И в этом плане год в Ленинграде получился полезным.

Я ощущал себя полноправным членом рабочего коллектива, вот только его застолья проходили без меня. Ни разу в них не участвовал. Еще в юности сформировалось понимание, что я должен в этой жизни делать и сделать, а на что не имею права. Сформировалось и отношение к алкоголю.

Лет до 30 вкуса спиртного я не знал совершенно. Что бы ни говорили мне в разных компаниях и при разных обстоятельствах, как бы ни уламывали, в чем бы ни обвиняли, был абсолютно категоричен в отказах.

Дружба, по моему убеждению, не определяется глубиной стакана. Степень верности слову или уровень гостеприимства не измеряются количеством выпитого. Да, на Кавказе трудно от этого уйти, у нас такого рода традиции нередко нарушают границы добра и зла. Но это правда: никто и никогда не мог заставить меня поднять рюмку против воли, хотя можно ведь и кровную обиду нанести таким отказом.

Всегда в таких случаях говорил: «Давай, брат, ради нашей дружбы я что-то другое сделаю? Что ты хочешь, чтобы я для тебя сделал?».

Даже в ту рабочую пору я не мог хотя бы на малое время отвлечься от футбола. Уже тогда меня неотвратимо влекла философия игры, а в голове роились многочисленные вопросы, на которые я непременно жаждал ответов. Например...

...Футбол – спорт или шоу?

Эволюция взглядов – не только естественный, но и совершенно необходимый процесс, хотя существуют явления и понятия абсолютно незыблемые (их можно назвать законами, основой человеческой ментальности). Эти постулаты неизменны, они работали вчера, работают сегодня и будут работать завтра: родина, семья, родители, честь и совесть...

То же самое и в игре, которая во многих своих проявлениях есть прямая проекция жизни. Игра в футбол существует и развивается на основе целого ряда законов и закономерностей, игнорировать которые у тренера нет никакой возможности. Футбол, который мы сегодня видим в исполнении лучших команд, сформировался не стихийно и не столько в силу творческой фантазии тренеров, помогающей конструировать различные игровые модели, схемы, сколько потому, что мы лучше стали понимать, что такое игра, каковы ее требования, в том числе и к подготовке.

Какой бы вариант или метод ведения игры в атаке, обороне в конечном итоге не был принят командой, она обязана соблюдать требования игры, согласно которым, собственно, и выстраивается игровая модель. Условно говоря, специально формулировать ответ на вопрос «Что следует делать команде, когда соперник владеет мячом?» не нужно. Ответ готов по определению, он заложен в саму структуру игры, он многократно выверен теорией и подтвержден практикой: надо контролировать зоны и закрывать игроков, надо ограничивать соперника в пространстве и во времени. Это один из тех постулатов, на основе которых строится тактика и стратегия данного конкретного игрового отрезка или целого матча. А каким образом это делается, вопрос вторичный и зависит от избранного командой метода ведения игры.

Но нужно понимать, что требования игры в какой-то части связаны с адаптационными возможностями организма, на особенностях которых базируется спортивная тренировка. Если организм спортсмена после предложенных нагрузок восстанавливается через два дня – одно дело. Если адаптационные возможности позволяют ему восстановиться через 6–8 часов – совсем другое. Отсюда и уровень готовности, лимитирующий динамику игры, ее скорость, определяющее значение которой для достижения результата давно стало аксиомой.

А этих самых организмов у тебя в команде 30, и все они разные. Да, механизм протекания физиологических или биохимических процессов совершенно идентичен, но у одного футболиста эта функция выражена более эффективно, у другого – менее. Есть люди, например, про которых в обиходе говорят: «У него два сердца». Как раз тот самый случай.

Из сказанного логически вытекает вопрос: можно ли, основываясь лишь на схожих возможностях организма, строить и развивать команду? Казалось бы, подбери людей с более или менее идентичным адаптационным потенциалом, предложи им рабочую игровую модель, и они, обученные основам игры в футбол, обладающие достаточными техническими и тактическими навыками, начнут выпекать по заказу голы и очки, как румяные пирожки.

Но нет. Это было бы слишком простым решением вопроса. Адаптационные возможности, безусловно, являются одной из фундаментальных основ игры и тренировки, играют важнейшую роль при выборе методов игры, выборе позиции для того или иного футболиста. Однако их влияние ограничено множеством других условий.

Принципы работы законов адаптации, законов организации и структуры соревновательной деятельности тренер обязан знать назубок. Понимать, иными словами, что именно и в какой мере влияет на результат. Где-то тут, совсем рядом, находятся ответы на более глубокие вопросы: что есть футбол? где грань между результатом и так называемой красивой игрой? что первично – спортивное начало или шоу?

Это далеко не праздные задачки. Более того, один из фундаментальных вопросов, возникающих в процессе познания сути работы, которой занимаются тренеры. Ведь разные ответы ведут к разным подходам к игре и подготовке.

* * *

Немалое количество профессиональных тренеров живет и работает с убеждением: футбол есть продукт, который предлагается на рынке. Стало быть, его нужно красиво представить и выгодно продать, в этом главное предназначение. Соответственно, яркая, броская упаковка – важнейшее свойство игры, ибо зрелище первично.

Такая точка зрения, конечно, имеет право на жизнь, она недалеко от истины. Отняв у футбола зрелищность, мы получим на выходе суррогат, который никак и никогда не привлечет болельщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.